

Радиоуглеродные даты курганного могильника эпохи Великого переселения народов у деревни Митино Пермского края*

Шмуратко Дмитрий Владимирович

кандидат исторических наук, декан исторического факультета,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Россия, г. Пермь. ORCID 0000-0002-3918-2687. ResearcherID: H-8981-2013. E-mail: dshmuratko@mail.ru

Аннотация. Проблема хронологии древностей раннего средневековья бассейна р. Камы до сих пор не нашла своего окончательного решения. Первые раскопки курганных могильников, относящиеся к рассматриваемой эпохе, были совершены еще в конце XIX в. Чуть позже эти могильники получают наименование «памятники харинского типа» по названию одноименного могильника, расположенного около д. Харино и изученного в 1900–1901 гг. Важно понимать, что от решения вопроса хронологии памятников харинского типа зависит не только датировка конкретных комплексов, но и понимание характера и степени интенсивности контактов местного населения с территориями Причерноморья. Есть ли основания синхронизировать прикамские находки с аналогичными материалами Причерноморья или необходимо заложить «люфт запаздывания» между типами? Простой типологический анализ не может дать ответ на этот вопрос, необходимо обращаться к другим методам, в том числе к абсолютному радиоуглеродному датированию. Самая крупная на сегодняшний день серия радиоуглеродных дат, включающая 10 образцов, была собрана в ходе раскопок 2014–2018 гг. с Митинского курганного могильника, расположенного в Кочевском районе Пермского края. Даты получены по костным останкам людей и животных, обнаруженных в погребениях и курганных канавах, а также по образцам обуглившейся древесины. Анализ полученных дат и инвентаря могильника позволит отнести наиболее древние комплексы Митинского могильника к концу IV в., а наиболее «молодые» – к концу VI в. Таким образом, «люфт запаздывания» между прикамскими и причерноморскими материалами представляется минимальным.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, хронология, раннее средневековье, памятники харинского типа, Пермское Предуралье.

Проблема датировки памятников эпохи Великого переселения народов с территории Прикамья (курганного могильников, т. н. «харинского типа») неоднократно поднималась в исследовательской литературе, однако так и не получила своего окончательного решения. Краткий историографический обзор вопроса был представлен в 2002 г. на Оборинских чтениях В. А. Бернц и А. В. Богдановым [4].

В самых общих чертах проблема хронологии памятников харинского типа сводится к двум принципиальным вопросам: первый касается абсолютных дат обозначенных памятников, т. е. верхней и нижней границ харинского этапа, второй – наличия или отсутствия внутренней периодизации внутри харинской эпохи.

Остановимся подробнее на историографии каждого вопроса.

Первые раскопки курганных могильников эпохи Великого переселения народов на территории Прикамья можно отнести к 1897 г., когда председателем Пермской ученой архивной комиссии Н. Н. Новокрешенных были изучены восемь насыпей Плехановских курганов у д. Плеханово на р. Шакве [14, с. 111–114]. 21 июля 1898 г. в той же местности начались раскопки курганов Бродовского могильника [14, с. 123]. Обнаруженные материалы были датированы А. А. Спициным концом VIII – началом IX в. [16, с. 46].

© Шмуратко Дмитрий Владимирович, 2023

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019) в рамках программы развития «Пермской археолого-этнографической научной школы».

В 1900–1901 гг. инспектору народных училищ Чердынского уезда В. Л. Борисову «предложено было обратить внимание на памятники древности, расположенные между р. Лолог и течением Камы» [17, с. 87]. Автор изучил погребения Харинского, Пыштайнского и Агафоновского могильников и отнес их к VIII–IX вв. [17, с. 87–88; 18, с. 116].

На тот момент курганные погребения рассматривались как часть общей совокупности средневековых памятников VIII–IX вв. и были объединены А. А. Спициным в «ломоватовский период» пермских древностей [20, с. 23]. Позже А. В. Шмидт, на основании раскопок могильника Качка, осуществленных летом 1924 г., заговорил о необходимости выделения памятников харинского типа из общего массива ломоватовских древностей [23, с. 23]. В своей работе А. В. Шмидт писал: «Культура может быть названа Харинской. Возможно, правильнее было бы говорить не о харинской культуре, а о харинском периоде культуры среднего пермского железного века... Но для краткости я буду использовать термин “харинская культура”» [23, с. 28]. Анализ материала могильника Качка позволил А. В. Шмидту датировать его временем с III по начало V в., а саму харинскую культуру – второй половиной IV – V в. «Следовательно, вещи Качки, аналогичные харинским, должны быть датированы временем с III по начало V века до нашей эры. Мы вряд ли ошибемся, если будем утверждать, что предметы описанных типов были распространены на севере и в несколько более поздний период, а потому хотим датировать харинскую культуру примерно второй половиной IV и V веком» [23, с. 30].

Против выделения харинских древностей в отдельную культуру был А. П. Смирнов. Исследователь заявлял, что «общий характер материала IV–V вв., тесно связанного с более ранними пьяноборскими могильниками, не позволяет выделять его в особую харинскую культуру, тем более что Харинский могильник имеет несколько хронологических стадий, а находки с других памятников, расположенных около этого селения, относятся к разному времени, что прекрасно видно на материалах теплоуховской коллекции. Поэтому самый термин “харинская культура” не соответствует вкладываемому в него содержанию культуры IV–V вв. н. э.: он значительно шире» [19, с. 81]. Несмотря на явные отличия выявленных комплексов от предшествующей автохтонной традиции, А. П. Смирнов отнес могильники Харинский и Качка к третьему, заключительному, периоду местной пьяноборской культуры, ознаменовавшему ее закат. При этом хронология курганных комплексов была сохранена, период был датирован по вещам сарматского облика IV–V вв. В конце V в. по хронологии А. П. Смирнова пьяноборская культура сменяется ломоватовской [19, с. 81–82].

В 1951–1952 гг. под руководством В. Ф. Генинга были проведены исследования памятников в бассейне р. Туй и Гаревая, стационарные раскопки были проведены в том числе и на памятниках «харинского времени» (Бурковский курганный могильник, Опутятское городище и Усть-Туйское костыще). Полученные новые данные не изменили устоявшиеся на тот момент представления о датировке курганных погребений. В. Ф. Генинг отнес харинский период к IV–V вв. [8, с. 120]. Однако после раскопок уже знакомого нам могильника Качка в 1959 г. мнение В. Ф. Генинга относительно датировки харинских древностей изменилось. Древнейшие памятники эпохи переселения народов в Прикамье исследователь стал относить к III в. н. э. [6, с. 206] Ссылаясь на упомянутую выше работу А. В. Шмидта, автор пишет: «Начало харинской эпохи в Прикамье А. В. Шмидт относил ко второй половине IV в. н. э., хотя им же приведенные аналогии датировались временем от III до V в.» [6, с. 206]. Таким образом, нижняя граница харинского времени В. Ф. Генингом была удревлена на столетие. В «Очерке этнических культур Прикамья в эпоху железа», опубликованном В. Ф. Генингом в 1959 г., корректировке подверглась и верхняя дата харинского этапа. В. Ф. Генинг причислил харинские комплексы к ломоватовской археологической культуре, выделив в последней два этапа: ранний – харинский, с III до середины VI в., и поздний – неволинский, со второй половины VI до конца VIII в., каждый из которых «имеет характерные комплексы вещей, поселений, погребальный обряд» [7, с. 184]. «В III в. в Верхнем Прикамье появляются курганные могильники харинского типа. Обряд курганного захоронения просуществовал недолго – до начала VI в., когда сменился обычными грунтовыми захоронениями», – пишет автор [7, с. 184].

Следует отметить, что далеко не все археологи-современники приняли предложенные В. Ф. Генингом даты харинского этапа. В пределах IV–V вв. датировать харинский этап ломоватовской культуры продолжал В. А. Оборин, связывая его с проникновением на территорию Прикамья скотоводческого угорского населения [3, с. 147]. Подводя итоги изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья в 1961 г., В. А. Оборин говорит о «харинском» и «нево-

линском» этапах ломоватовской культуры, обозначая хронологические рамки последней в пределах IV–VIII вв. н. э. [15, с. 64].

В 1971 г. к дискуссии о хронологии пермских древностей раннего средневековья присоединился А. К. Амброз, заявив о необходимости омоложения харинских памятников, и предложил дату конец V – начало VIII в. Автор справедливо отмечает, что вся раннесредневековая хронология Восточной Европы построена на аналогиях, полученных из немногочисленных могильников с монетами (Керчь, Суук-Су, Чми). «Монеты сами по себе не дают точной даты комплексов. Даже в некрополях античных городов они нередко “запаздывают” на 100–400 лет», – отмечает А. К. Амброз [2, с. 96]. Между А. К. Амброзом с одной стороны и Г. В. Генингом и Р. Д. Голдиной – с другой велась научная дискуссия об абсолютных датах харинского периода. В 1973 г. Р. Д. Голдина и В. Ф. Генинг пишут: «Рассуждения А. К. Амброза о датировке харинских памятников сводятся все к тому же пресловутому представлению о сильном запаздывании и консерватизме в типологическом развитии верхнекамских вещей. По А. К. Амброзу, прототипами харинских вещей являются южные образцы V в., но бытуют они в Прикамье с конца V до начала VIII в., когда на юге повсеместно распространяются уже иные формы. Причем среди сотен харинских образцов нет ни одной вещи этого нового типа! Не странно ли? Прикамье, судя по находкам большого количества монет, прекрасных образцов серебряной посуды, многочисленных бус и многих других вещей южного производства, отнюдь не было “медвежьим углом”, где все застаивалось и консервировалось на века. Население Прикамья поддерживало самые оживленные связи с соседними областями и регулярно в обмен на меха получало новейшие образцы многих изделий, в том числе поясных принадлежностей, которые и служили образцами для местных мастеров. Еще раз приходится только сожалеть, что некоторые археологи игнорируют столь очевидные факты» [9, с. 87]. Тем не менее, видимо не без влияния аргументов А. К. Амброза, Р. Д. Голдина и В. Ф. Генинг корректируют нижнюю границу харинского этапа, предлагая дату V – первая половина VI в.

Стоит обратить внимание, что несколькими годами ранее Р. Д. Голдиной под руководством В. Ф. Генинга была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье», в которой автор датировала могильники харинского типа «в пределах с конца IV, а может быть [начала]¹ V – до середины VI в.» [10, с. 70].

В 1979 г. Р. Д. Голдина уже отдельно от В. Ф. Генинга публикует собственную хронологию ломоватовской культуры, разработанную в кандидатской диссертации, сама культура датируется в пределах IV–IX вв. Внутренняя периодизация ломоватовской культуры включает четыре последовательных этапа: харинский (конец IV – VI в.), агафоновский (конец VI – первая половина VII в.), деменковский (неволинский, вторая половина VII – первая половина VIII в.), урьинский (переходный, вторая половина VIII – IX в.) [11, с. 80]. При этом харинская группа уже не рассматривается как «единый культурно-хронологический комплекс», а поделена Р. Д. Голдиной на две подгруппы: раннюю и позднюю. Первая подгруппа маркируется «трехсоставными пряжками мелких и средних размеров с пластинами различных форм; наконечниками ремней в виде обойм, украшенных полугорошинами» и др. [11, с. 80] Для второй характерными становятся «височные подвески с напускной бусиной и калачевидные; крупные трехсоставные пряжки, иногда с В-образным кольцом; цельнолитые пряжки разных типов; привозные пряжки, украшенные зернью и вставками; трехгранные в сечении гривны» и др. [11, с. 80] Таким образом, Р. Д. Голдина впервые заговорила о неоднородности харинских древностей и наличии внутренней хронологии данного периода, тем самым подняв второй принципиальный вопрос в установлении хронологии харинских древностей. Но вопрос о включении нижней границы харинского этапа, видимо, Р. Д. Голдиной на тот момент окончательно не решен. Относить ли начало харинского времени к концу IV в., тем самым практически синхронизируя его с материалами керченских катакомб, или все-таки несколько отодвинуть его начало в сторону V в., заложив небольшой временной люфт для «запаздывания» керченских аналогий в Прикамье?

Напомним, что идею «запаздывания» харинских древностей активно транслировал А. К. Амброз. В статье 1980 г. А. К. Амброз выделил в харинских древностях уже три периода: I период – V в., II период – VI в., III период – VII в. «Две первые группы выделены по мелким пряжкам... Могильные комплексы III группы, кроме мелких пряжек, содержали <...> также

¹ Дописано от руки.

“серповидные” гривны ромбического и треугольного сечения, двускатные наконечники ремней, браслеты со звериными головками, подвески в виде бутылочек, коньков и полые серьги с гроздьё шариков» [1, с. 30].

В 1985 г. выходит фундаментальный труд Р. Д. Голдиной «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье», основой которого стала защищенная в 1971 г. диссертация. В монографии харинские древности были отнесены к V–VI вв. (без конца VI в.). Нижняя граница была обоснована по аналогиям из материалов керченских катакомб, датированных монетами конца IV – первой половиной V в., верхняя – по времени распространения в степях Евразии поясной гарнитуры геральдического типа [12, с. 126]. Таким образом, идея с «запаздыванием» харинских материалов все-таки взяла верх.

Однако появившиеся в первой четверти XXI в. первые радиоуглеродные даты, полученные с памятников харинского типа, вновь делают актуальным возвращение к вопросу датировки прикамских древностей раннего средневековья уже в свете естественно-научных данных.

Первые радиоуглеродные даты харинских памятников с территории Прикамья были опубликованы В. В. Мингалевым в 2011 г. по результатам раскопок 2007 г. могильника Чазево I (Косинский район Пермского края). Образцы, взятые из погребений 1 и 2 кургана 25, дали даты 1330±120BP (535–991 AD; 94,2 %), 1550±100 BP (327–661 AD; 92,9 %), 1560±100 BP (325–657 AD; 92,3 %) [13, с. 66–67].

Таблица

**Радиоуглеродные даты Митинского курганного могильника
у д. Митино Кочевского района Пермского края**

№	Год раскопок	Номер образца	Объект	Дата не калиброванная	Дата калиброванная (вероятность) ²	Век
1	2015	Ле-11071	погребение 49Б, кости	1819±75 BP	60–409 AD (94,8 %)	I–V
2	2015	Ле-11069	погребение 49А, кости	1637±80 BP	247–580 AD (95,4 %)	III–VI
3	2014	Ле-10779	погребение № 43, кости.	1610±60 BP	341–587 AD (93,4 %)	IV–VI
4	2015	Ле-11070	погребение 50А, кости	1581±50 BP	406–596 AD (95,4 %)	V–VI
5	2017	Ле-11717	погребение 57, кости	1480±80 BP	414–575 AD (95,4 %)	V–VI
6	2018	Ле-11871	погребение 64, кости	1523±50 BP	429–611 AD (89,3 %)	V–VII
7	2014	Ле-10798	яма 2, кости лошади	1620±60 BP	333–576 AD (92,1 %)	IV–VI
8	2015	Ле-11068	яма 1, кости лошади	1383±90 BP	534–879 AD (93,1 %)	VI–IX
9	2014	Ле-10797	яма 1, уголь	915±30 BP	1039–1181 AD (86,5 %)	XI–XIII
10	2014	Ле-10796	яма 3, уголь	1450±200 BP	202–996 AD (94,7 %)	III–X

С 2014 г. были начаты раскопки Митинского курганного могильника, расположенного в Кочевском районе Пермского края. На момент написания статьи серия радиоуглеродных дат, полученная в результате раскопок курганов у д. Митино, является самой обширной и включает в себя 10 дат. По костным останкам человека получено шесть дат, по костным останкам животных – две даты, по обуглившимся фрагментам древесины – две даты. Радиоуглеродная датировка образцов была выполнена в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург).

Наибольший интерес, конечно же, представляют даты, полученные по костным останкам индивидов, захороненных в погребениях, поскольку они позволяют синхронизировать и датировать сопровождающий умершего инвентарь.

² Калибровка по калибровочной шале IntCal 20. URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal/OxCal.html> (дата обращения 23.09.2022).

Если довериться полученным радиоуглеродным датам, то самым ранним следует признать погребение 49Б (1819±75 BP) раскопки 2015 г.

Погребение № 49. Могильная яма размером 2,60 на 2,78 м была зафиксирована на глубине –0,30 м от современной поверхности в виде пятна неправильной формы, заполненного светло-коричневым суглинком с вкраплениями известковой крошки и углей. Глубина дна погребения –0,10–0,13 м от уровня фиксации. В погребении обнаружены кости трех индивидов (индивид А; индивид Б; индивид В). Судя по положению костей, покойные были уложены на спину головой на СЗ/ССЗ.

При втором (центральном) **индивиде Б** в области левого бедра обнаружены бронзовые обкладки от ножен, справа и слева от голеней погребенного найдены наконечник ремня и поясная пряжка. В погребальной яме зафиксированы остатки деревянной конструкции типа рамы размером 1,83 на 0,65 м. Под костями погребенного также фиксируются остатки деревянной плахи. Вероятно, умерший был уложен в ящик-гробовище.

Ножны, по-видимому, представляли собой деревянный футляр, частично обтянутый сверху бронзовыми пластинками и обоймами. Вдоль одной из сторон ножен была размещена пластинка с рядом полусферических головок заклепок [21, с. 96, 100] (см. рис. 1). Подобные ножны Р. Д. Голдиной датируются V–VI вв.

Поясная пряжка, обнаруженная в погребении, имеет овальное кольцо с ярко выраженным утолщением спереди – небольшую полукруглую обойму, фиксируемую на ремне при помощи одного штифта, язычок пряжки плотно обнимает кольцо (см. рис. 2, 1). Подобные пряжки А. К. Амброс относит к I группе [1, рис. 8, 2] и датирует V в. Полученная радиоуглеродная дата верхней своей границей в целом попадает в самое начало V в., хотя и не исключает более раннего времени.

Следующим во времени, судя по полученным радиоуглеродным датам, должно стать погребение 49А (1637±80 BP).

При западном **индивиде А** в области пояса обнаружены бронзовая пряжка и наконечник ремня, на правое бедро покойного был уложен дольный нож (нож «харинского типа») (см. рис. 1). Под костями погребенного зафиксированы остатки деревянной конструкции в виде плахи (размером 2,42 на 0,35 м), на которую был уложен умерший.

Пряжка, обнаруженная в погребении, имеет далеко выступающий за рамку язычок, овальное кольцо и трапециевидную обойму (см. рис. 2, 2). А. К. Амброс относит подобные пряжки к III группе [1, рис. 8, 30], датируя VII в. Однако у данного экземпляра нет характерных выступов по бокам обоймы и насечек, к тому же полученная радиоуглеродная дата исключает датировку комплекса VII в. Максимально допустимая верхняя дата не выходит за пределы конца VI в. При этом следует учесть, что рассматриваемое погребение (№ 49) включает в себя останки трех индивидов и сопроводительный инвентарь одного из них (центрального, индивида Б) датирован концом IV – началом V в., в таком случае комплекс предметов индивида А, вероятно, следует относить к первой половине V в.

Следующие позиции в хронологии Митинского могильника занимают погребения 43 (1610±60 BP) и 50А (1581±50 BP).

Погребение № 43. Могильная яма размером 2,07 на 0,63 м была зафиксирована на глубине –0,30 м от современной поверхности в виде подпрямоугольного пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей. Глубина дна погребения –0,13 м от уровня фиксации. В погребении обнаружены кости одного индивида. Судя по положению костей, покойный был уложен на спину головой на СЗ. В районе колен погребенного обнаружен железный дольный нож [22, с. 47–48] (см. рис. 1).

Погребение № 50. Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 2,40 на 1,29 м и была зафиксирована на глубине –0,30 м от уровня современной поверхности в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного узкой (0,04–0,07 м) полоской коричневого вязкого суглинка. В погребении обнаружены расположенные в анатомическом порядке скелеты двух индивидов (индивид А; индивид Б).

Между ног западного **индивида А** в области колен был уложен железный нож, относящийся к типу бытовых, с резким уступчиком со стороны спинки и лезвия при переходе к черешку. Подобный же нож был уложен на правое бедро восточного индивида Б [21, с. 100] (см. рис. 1).

Как видим, оба погребения имеют весьма скудный инвентарь, представленный исключительно ножами. Тем не менее в шкале относительной хронологии, безусловно, погребение № 43 следует ставить раньше, чем погребение № 50А. В погребении № 43 обнаружен дольный нож, аналогичный экземпляру, расчищенному в погребении 49А. Таким образом, погребение № 43,

вероятно, можно отнести к началу V–VI в. (хотя радиоуглеродная дата в принципе не исключает и второй половины IV в.). В погребении № 50А обнаружен нож без дола, а полученная радиоуглеродная дата свидетельствует в пользу V–VI вв. (более ранний период исключен).

Далее следует погребение № 57 (1480±80BP). В сравнении с описанными выше погребениями сопроводительный инвентарь индивида, погребенного в погребении № 57, весьма богат. Этому погребению уже была посвящена отдельная публикация на страницах журнала «Российская археология», в которой совместно с антропологом Н. Г. Брюховой нами были проанализированы некоторые обстоятельства смерти погребенного [5].

Погребение № 57. Могильная яма подпрямоугольной формы размером 2,40 на 0,85 м отмечена на глубине –0,30 м от поверхности в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, вмещающего в себя пятно темно-коричневого гумусированного суглинка. Южный и западный края очертаний погребальной ямы были окаймлены узкой полосой коричневого вязкого суглинка шириной не более 0,04 м. Погребальная яма ориентирована длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Глубина дна погребения –0,54 м от поверхности, стенки ямы отвесные. В погребении с частичным нарушением анатомического соответствия расчищены костные останки одного индивида. Судя по положению костей, умерший, вероятно, был уложен на спину головой на СВ. Помимо костных останков в погребении обнаружен сопроводительный инвентарь: серебряная гривна, железный нож, фрагменты деревянных ножен с бронзовыми обкладками, бронзовые пряжки (3 шт.) (см. рис. 2, 4–6), бронзовый наконечник ремня (3 шт.) (см. рис. 2, 7–9), костяной наконечник стрелы (обломок) (см. рис. 1).

Инвентарь погребения соответствует поздней группе харинских древностей, выделяемой Р. Д. Голдиной и относимой к VI в. А. К. Амброз комплексы с серповидными гривнами треугольного и ромбического сечения относят к III группе и датируют VII в. Поскольку калиброванная радиоуглеродная дата 414–575 AD (95,4 %) исключает VII в., следует отдать предпочтение в пользу VI в.

Верхнюю границу в серии рассматриваемых радиоуглеродных дат Митинского могильника занимает погребение № 64.

Погребение № 64. Могильная яма прямоугольной формы размером 2,50 на 0,82 м была зафиксирована на глубине –0,30 м от поверхности в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного с восточной и южной сторон узкой полоской коричневого вязкого суглинка и ориентированного длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Стенки погребения пологие, дно плоское. Глубина погребения – 0,35 м от уровня фиксации. В погребении обнаружены останки костей человека. Умерший был уложен на спину головой на СЗ. Помимо костного материала в погребении расчищены вещи: железный нож был расчищен в северо-западной четверти погребения на тазовых костях умершего; бронзовая пряжка (2 шт.) были расчищены в южной половине погребения на костях правой и левой ступни умершего (см. рис. 1).

Обнаруженные в погребении пряжки с подтреугольными обоями, тремя штифтами, кольцом с небольшим утолщением и язычком, плотно обнимающим кольцо, А. К. Амброз относил ко II группе, датируя V в. (см. рис. 2, 10–11). В принципе, полученная радиоуглеродная дата не противоречит этой датировке. Однако в контексте рассматриваемой серии, безусловно, выглядит «моложе» и после калибровки с вероятностью 89,3 % ложится в интервал 429–611 гг. н. э. (V–VII вв.). Учитывая, что поясные пряжки из погребения 64 практически идентичны пряжкам из 57-го погребения, отнесенного к VI в., полагаем, что и данный комплекс следует датировать временем не ранее VI в.

Что касается радиоуглеродных дат, полученных по костям животных, обнаруженным в курганных канавках (ямах), то дата ямы 2 (раскопки 2014 г.) 1620±60 BP оказалась практически синхронной дате погребения № 43, к западу от которого яма расположена (333–576 AD; 92,1 %). Можно предположить, что останки животного связаны непосредственно с ритуалом погребальной тризны. Вторая дата из ямы 1 (раскопки 2015 г.) 1383±90 BP оказалась несколько «моложе» (534–879 AD; 93,1 %), чем рядом расположенные погребения, ее, вероятно, можно связывать со следами поминального обряда по усопшим, проводимого уже после совершения захоронения. Даты, полученные по углям, обнаруженным в ямах, оказались менее точными. Угли из ямы 3 (раскопки 2014 г.) дали дату в диапазоне III–X вв. (202–996 AD; 94,7 %), а образец угля из ямы 1 (раскопки 2014 г.) относится к XI–XII вв. (1039–1181 AD; 86,5 %) Если первую дату еще можно как-то связывать со временем бытования могильника, интерпретируя обнаруженные угли как следы погребального или поминального обряда, то вторая дата представляет собой след из совсем другой эпохи и иллюстрирует лесной пожар

природного либо антропогенного происхождения. Если допустить антропогенный характер пожара, то его вполне можно связывать с системой подсечно-огневого земледелия, практикуемого местным населением вплоть до XX в.

Анализируя всю имеющуюся серию радиоуглеродных дат Митинского курганного могильника, можно отметить, что 9 из 10 дат укладываются в период раннего средневековья. Наиболее древние комплексы Митинского могильника вполне могут быть отнесены к концу IV в., наиболее «молодые» – к концу VI в. Таким образом, «люфт запаздывания» между прикамскими и причерноморскими материалами представляется минимальным. По рассмотренным материалам Митинского курганного могильника «харинский период» в Прикамье можно датировать концом IV – концом VI в. При этом следует отметить, что рассмотренные радиоуглеродные даты имеют весьма широкий диапазон, в ряде случаев превышающий 300 лет, что делает невозможным использовать их для разработки дробной внутренней хронологии периода. Удовлетворительный результат может быть получен только при комплексном применении типологического и радиоуглеродного методов датирования.

Список литературы

1. Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М, 1980. С. 3–56.
2. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Советская археология. 1971. № 2. С. 96–123.
3. Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. 244 с.
4. Бернц В. А., Богданов А. В. Вопросы хронологии и периодизации памятников Верхнего Прикамья эпохи Великого переселения народов // III Оборинские чтения: материалы археологической конференции (15 марта 2001). Пермь, 2002. Вып. 2. С. 38–43.
5. Брюхова Н. Г., Шмуратко Д. В. Погребение со следами ранения (Пермское Предуралье в эпоху Великого переселения народов) // Российская археология. 2019. № 2. С. 178–182.
6. Генинг В. Ф. Могильник Качка // Отчеты Камско-Вятской археологической экспедиции. М., 1959. Вып. 1. С. 196–209.
7. Генинг В. Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. 1959. № 2. С. 182–219.
8. Генинг В. Ф. Памятники харинского времени в Прикамье // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1955. Вып. 57. С. 115–123.
9. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 58–121.
10. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1971. 406 с.
11. Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // Краткие сообщения института археологии. 1979. Вып. 158. С. 79–90.
12. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1985. 279 с.
13. Мингалев В. В. Особенности внутрикурганной конструкции могильника Чазево I // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2011. № 7. С. 52–68.
14. Новокрещеных Н. Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1901. Вып. IV. С. 107–141.
15. Оборин В. А. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 53–65.
16. Отчет императорской археологической комиссии за 1898 г. СПб. : Типография главного управления уделов, 1901. С. 46–49.
17. Отчет императорской археологической комиссии за 1900 г. СПб. : Типография главного управления уделов, 1902. С. 87–89.
18. Отчет императорской археологической комиссии за 1901 г. СПб. : Типография главного управления уделов, 1903. С. 115–116.
19. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 28.
20. Спицын А. А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков. СПб. 1902. 110 с.
21. Шмуратко Д. В. Митинская курганная группа в системе расселения харинских племен: результаты раскопок 2015–2016 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2016. № 11. С. 94–116.
22. Шмуратко Д. В., Брюхова Н. Г. Митинская курганная группа: результаты новых исследований (раскопки 2014 года) // Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. № 10. С. 46–63.
23. Schmidt A. V. Kačka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrussland in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.) // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1927. V. I. Helsingfors. Pp. 18–50.

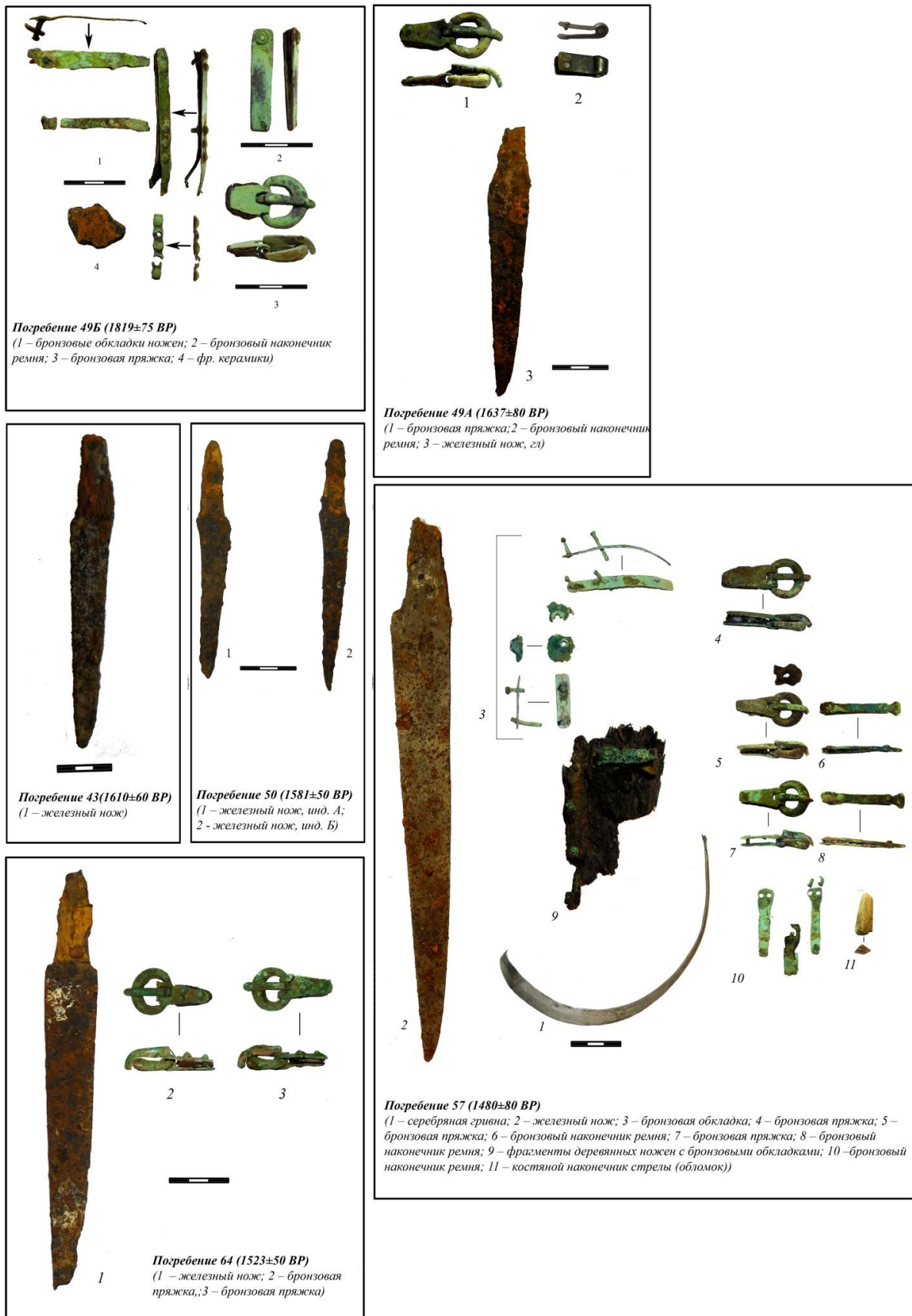

Рис. 1. Инвентарь погребений Митинского курганного могильника

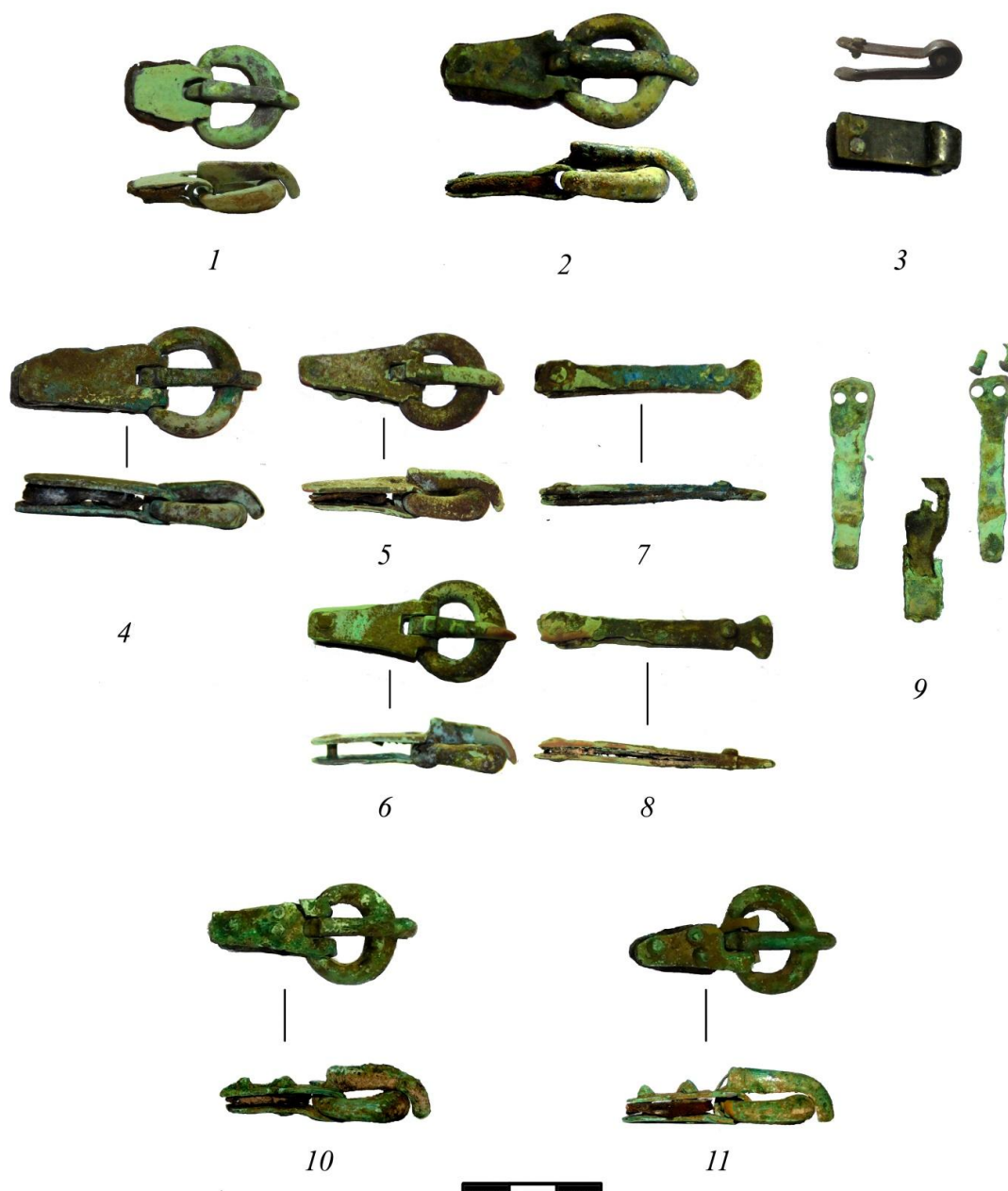

Рис. 2. Элементы поясной гарнитуры (пряжки, наконечники ремней):
1 – погребение 49Б; 2-3 – погребение 49А; 4-9 – погребение 57; 10-11 – погребение 64

Radiocarbon dates of the burial mound of the epoch of the Great Migration of Peoples near the village of Mitino, Perm Krai

Shmuratko Dmitrij Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, dean of the Faculty of History, Perm State Humanitarian Pedagogical University.
Russia, Perm. ORCID 0000-0002-3918-2687. ResearcherID: H-8981-2013. E-mail: dshmuratko@mail.ru

Abstract. The problem of chronology of antiquities of the early Middle Ages of the Kama River basin has not yet found its final solution. The first excavations of burial mounds belonging to the era under consideration were carried out at the end of the XIX century. A little later, these burial grounds will receive the name "monuments of the Kharinsky type" after the name of the burial ground of the same name, located near the village of Kharino and studied in 1900–1901. It is important to understand that not only the dating of specific complexes,

but also the understanding of the nature and intensity of contacts of the local population with the territories of the Black Sea region depends on the solution of the chronology of monuments of the Kharinsky type. Is there any reason to synchronize the Kama finds with similar materials of the Black Sea region, or is it necessary to lay a "lag gap" between the types? A simple typological analysis cannot answer this question, it is necessary to turn to other methods, including absolute radiocarbon dating. The largest series of radiocarbon dates to date, including 10 samples, was collected during excavations in 2014–2018 from the Mitinsky burial mound, located in the Kochevsky district of Perm Krai. The dates were obtained from the skeletal remains of people and animals found in burials and burial ditches, as well as from samples of charred wood. The analysis of the obtained dates and inventory of the burial ground will allow us to attribute the most ancient complexes of the Mitinsky burial ground to the end of the IV century, and the most "young" ones to the end of the VI century. Thus, the "lag gap" between the Kama and Black Sea materials seems to be minimal.

Keywords: radiocarbon dating, chronology, early Middle Ages, monuments of the Kharinsky type, Permian Urals.

References

1. Ambrose A. K. *Birskij mogil'nik i problemy hronologii Priural'ya v IV–VII vv.* [Birsky burial ground and problems of chronology of the Urals in the IV–VII centuries] // *Srednevekovye drevnosti evrazijskih stepej – Medieval antiquities of the Eurasian steppes.* M. 1980. Pp. 3–56.
2. Ambrose A. K. *Problemy rannesrednevekovoj hronologii Vostochnoj Evropy* [Problems of early medieval chronology of Eastern Europe] // *Sovetskaya arheologiya – Soviet Archeology.* 1971. No. 2. Pp. 96–123.
3. Bader O. N., Oborin V. A. *Na zare istorii Prikam'ya* [At the dawn of the history of the Kama region]. Perm. 1958. 244 p.
4. Bernc V. A., Bogdanov A. V. *Voprosy hronologii i periodizacii pamyatnikov Verhnego Prikam'ya epohi Velikogo pereseleniya narodov* [Questions of chronology and periodization of monuments of the Upper Kama region of the epoch of the Great Migration of peoples] // *II Oborinskie chteniya: materialy arheologicheskoy konferencii (15 marta 2001) – III Oborin readings: materials of the archaeological conference (March 15, 2001).* Perm. 2002. Is. 2. Pp. 38–43.
5. Bryuhova N. G., Shmuratko D. V. *Pogrebenie so sledami raneniya (Permskoe Predural'e v epohu Velikogo pereseleniya narodov)* [Burial with traces of injury (Permian Urals in the era of the Great Migration of peoples)] // *Rossijskaya arheologiya – Russian Archeology.* 2019. No. 2. Pp. 178–182.
6. Gening V. F. *Mogil'nik Kachka* [Burial ground Kachka] // *Otchety Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspedicii – Reports of the Kamsko-Vyatka Archaeological expedition.* M. 1959. Is. 1. Pp. 196–209.
7. Gening V. F. *Ocherki etnicheskikh kul'tur Prikam'ya v epohu zheleza* [Essays on ethnic cultures of the Kama region in the Iron Age] // *Trudy kazanskogo filiala AN SSSR. Seriya gumanitarnyh nauk – Proceedings of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series.* 1959. No. 2. Pp. 182–219.
8. Gening V. F. *Pamyatniki harinskogo vremeni v Prikam'e* [Monuments of the Kharinsky time in the Kama region] // *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noj kul'tury – Brief reports of the Institute of the History of Material Culture.* 1955. Is. 57. Pp. 115–123.
9. Gening V. F., Goldina R. D. *Kurgannye mogil'niki harinskogo tipa v Verhnem Prikam'e* [Burial mounds of the Harinsky type in the Upper Kama region] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of the archeology of the Urals.* Sverdlovsk. 1973. Is. 12. Pp. 58–121.
10. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e : dis. ... kand. ist. nauk* [Lomovatov culture in the Upper Kama region : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Sverdlovsk. 1971. 406 p.
11. Goldina R. D. *Hronologiya pogrebal'nykh kompleksov rannego srednevekov'ya v Verhnem Prikam'e* [Chronology of burial complexes of the early Middle Ages in the Upper Kama region] // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii – Brief reports of the Institute of Archeology.* 1979. Is. 158. Pp. 79–90.
12. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e* [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Publishing House of Irkutsk University. 1985. 279 p.
13. Mingalev V. V. *Osobennosti vnturikurgannykh konstrukcij mogil'nika Chazevo I* [Features of vnturikurgan constructions of the Chazevo I burial ground] // *Trudy KAEF PGPU – Proceedings of the KAE PSPU.* 2011. No. 7. Pp. 52–68.
14. Novokreshchenyh N. N. *Arheologicheskie issledovaniya v zapadnoj chasti Permskoj gubernii* [Archaeological research in the western part of the Perm province] // *Trudy Permskoj uchenoj arhivnoj komissii – Proceedings of the Perm Scientific Archival Commission.* Perm. 1901. Is. IV. Pp. 107–141.
15. Oborin V. A. *Nekotorye itogi i zadachi izucheniya zheleznogo veka Verhnego i Srednego Prikam'ya* [Some results and tasks of studying the Iron Age of the Upper and Middle Kama] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of the archeology of the Urals.* Sverdlovsk. 1961. Is. 1. Pp. 53–65.
16. *Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1898 g.* – Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898 SPb. Printing house of the Main department of the estates. 1901. Pp. 46–49.
17. *Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1900 g.* – Report of the Imperial Archaeological Commission for 1900 SPb. Printing house of the Main Department of the estates. 1902. Pp. 87–89.

18. *Otchet imperatorskoj arheologicheskoj komissii za 1901 g.* – Report of the Imperial Archaeological Commission commissions for 1901, SPb. Printing house of the Main Department of the estates. 1903. Pp. 115–116.
19. Smirnov A. P. *Ocherki drevnej i srednevekovoj istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya* – [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga region and the Kama region] // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* – Materials and research on the archeology of the USSR. M. 1952. No. 28.
20. Spicyn A. A. *Drevnosti Kamskoj Chudi po kollekcii Teplouhovyh. Atlas risunkov* [Antiquities of the Kama Chud from the collection of the Teploukhovs. Atlas of drawings]. SPb. 1902. 110 p.
21. Shmuratko D. V. *Mitinskaya kurgannaya grupa v sisteme rasseleniya harinskih plemen: rezul'taty raskopok 2015–2016 gg.* [Mitinskaya kurgan group in the settlement system of the Kharin tribes: the results of excavations 2015–2016] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii* – Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition. 2016. No. 11. Pp. 94–116.
22. Shmuratko D. V., Bryuhova N. G. *Mitinskaya kurgannaya grupa: rezul'taty novyh issledovanij (raskopki 2014 goda)* – [Mitinskaya kurgan group: results of new research (excavations in 2014)] // *Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii* – Kama archaeological and ethnographic expedition. 2015. No. 10. Pp. 46–63.
23. Schmidt A. V. Kačka. *Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrussland in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.)* // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1927. V. I. Helsingfors. Pp. 18–50.